

**Колесник Николай Федорович, 1927 г.р., с. Макариха, Знаменский район, Кировоградская область.
В Крыму с 1932 года.**

Интервью записано: 9.09.2006 в пгт. Красногвардейское АРКрым.

Собиратели: Спирина Ирина

Столетняя Марина

В: Вопросы к информанту.

О: Ответы информанта.

В.: Назовите, пожалуйста, свое имя, полностью.

О.: Колесник Николай Федорович.

В.: Год рождения.

О.: Тысяча девятьсот двадцать седьмой двадцать девятого ноября.

В.: И место рождения. Где вы родились?

О.: Кировоградская область, Знаменский район, село Макариха.

В.: А долго там прожили?

О.: Там? до тридцать второго года, а в тридцать втором году сюда в Курман переехали. Курман Кешельги был сейчас Красногвардейское, вот с тридцать второго года здесь живу.

В.: А маму с папой как звали?

О.: Марина Трофимовна, а отца Федор Иванович.

В.: А большая семья у вас была?

О.: У меня было два брата, один умер в тридцать втором же году, здесь же уже умер маленьким, было ему четыре года и тридцать восьмого года брат щас с ним вместе живем в одном доме.

В.: А сколько лет вам было когда началась война?

О.: Ну считайте, в сорок первом году это мне было четырнадцать... четырнадцать лет и тринадцать лет и с половиной считайте.

В.: То есть во время войны вы были...

О.: Здесь в оккупации.

В.: В оккупации.

О.: Да в оккупации, то есть двадцать девятого или какого он и октября... немцы сюда зашли и вот до 12 (двенадцатого) апреля сорок четвертого года в оккупации были.

В.: Что вы можете рассказать про этот период времени?

О.: Ну что?... Ну немцы когда пришли сразу начали там законы свои устанавливать, вот эта жандармерия была где щас милиция, там полиция, жандармерия то было, облавы делали, людей в это в Германию увозили вот здесь была де щас кинотеатр, тут был рынок, вот они посмотрят в воскресенье народ собрался окучили и ... щас пра... огорел там театр, кинотеатр был. И вот они... Туда всех, а потом в вагоны и отправляли в Германию. Облавы делали, но я убежал сколько, не знаю сколько раз я убежал там, несчетный раз не попал вообще, не попался им туда в Германию, не поехал. Было даже такой случай, что у бабушки корова была, ну и в нас корова была, я у бабушки сам под ... под корытом под яслями вырыли яму и я там пятнадцать или восемнадцать суток сидел шоб в облаву шоб не попасть... (от облавы). Во там сутками сижу в этой яме, и ночью выйду немножко... (размять) и так...

Ну шо они это евреев они расстреливали они вот; сколько, восемнадцать семей кажись расстреляли значить вот даже одного, одногодку моего у его мать была зав. аптекой; вот здесь аптека была де вот щас магазин. Он тоже двадцать седьмого года и Иосиф ну он и его тоже расстреляли.

В.: Как звали? Знайте, как фамилия?

О.: Фамилию не помню, а Йося, Йося его звали, а, а фамилии не помню. Мать была зав. аптекой его до войны. И вот они расстреливали.

В.: Ну вот, а предварительно развешивали какие-то объявления немцы насчет, э, сбора евреев или...

О.: Ну как, ну они объявили там это полицаи, полицаи ходили объявляли, щоб нарукавники на руки белые эти... материал нашивали и ходили сразу их и они не сразу расстреляли и они это где-то же в сорок втором году они так ходили с этой повязкой, а потом вже забирали их и значить, де вот щас военкомат там был у нас кирпичный завод, песок добывали, сырец. Там расстреляли и на Петровке.

В.: А вы не знаете, какая это улица?

О.: Де?

В.: Ну вот кирпичный завод, это что такое сейчас?

О.: Ну это это - Шевченко, ул.Шевченко.

В.: Сейчас, да?

О.: Сейчас военкомат там, да Шевченко там. Вот там где-то в том районе расстреливали и на Петровке, вот расстреляли или восемнадцать или, точно я не помню, шо то вот в этом пределе.

В.: А вот они, до войны не эвакуировались?

О.: Кто?

В.: Ну, евреи?

О.: Ну, какие уехали, а какие многие тут пооставались не все ж могли уехать, а остались вот, и вот эти ж шо остались всех, всех они и расстреляли. И маленьких и больших и грудных, какие там были, старых. Одну же бабушку оставили, она, наверно, с год ходила, но запретили, чтоб, кто ее примет в дом, значит ту семью будут расстреливать. И вот она ходила по улицам хто, хто, што ей даст там покушать она и так она скиталась где попала.

В.: А почему оставили?

О.: Не знаю.

В.: Причины нет.

О.: Не знаю, или для этого. Ну, это у них надо было спросить это вот. Наверно, для того, чтоб она мучилась, вот это оставили ее. Она вже ей лет восемьдесят было. И вот она так она и еще летом же может где, а зимой где-то там и замерзла. И люди вот так тайком, это, пускали ее, где-то в коридорчике там это положат ее, она там переспит. И так она и замерзла где-то зимой. Вот это было. Просто как издевались, как хотели.

В.: А дом ее, сожгли? Что она...

О.: Я не знаю. Они вот здесь в центре жили.

В.: Она местная была?

О.: Они вот здесь вот здесь в центре жили тут же в войну все разбомбили вот это центр где парк там они там жили, они там то они все это уже разбито и вот де щас ресторан там был райком двухэтажный, это бомбежка была. Когда тут эшалоны с боеприпасами разбомбили, в парке это обоз был, это самое, с боеприпасами тоже разбомбили немцы.

Под откос пустили бронепоезд, вот там где щас элеватор, там его под откос пустили наш бронепоезд. Вот такие дела. А это все, тут в центр весь сгорел, разбомбили все немцы, погорело.

В.: А вот имущество, например, людей, которых расстреливали, куда-то собирали?

О.: Ну то, не знаю я. Не знаю. Куда оно девалось.

В.: А вы сами видели, вообще, как их собирали... евреев?

О.: Ну, а как же. Вот видели, нас еще сгоняли смотреть, щоб как там, как они их расстреливали.

В.: Сгоняли, чтобы вы смотрели?

О.: Да, ну для запуга что-ли, там вот, видите, если такое не подчиняться, вот будет такое.

А.: И вы были свидетелем?

О.: Да.

В.: Это где происходило?

О.: А вот где вот там де эта самая щас военкомат, там был кирпичный завод, там расстреливали.

В.: А кто расстреливал?

О.: Да немцы расстреливали. Полицаи там были, тоже.

В.: А полицаи участвовали в расстрелах?

О.: Ну они собирали их, они заставляли, они ходили по поселку и собирали их.

В.: А полицаи местные.

О.: Да, местные, вот у нас, напротив меня два полицаи жили, вот де мы сейчас живем, один де вот щас Бершатский живет, там полицай жил и, где Савицкий жил, вот там, тоже Дудка был, Дудка, да, тоже полицай был.

В.: Как вы сказали?

О.: Дудка и Мороз – это полицаи были.

В.: Как звали их, помните? (комнатрии Павлиной Людмилы Сергеевны).

О.: Нет, не знаю. Это, одного Петро, этого Мороза кажись или Максим, или Максим это меньший был, Петро, кажись, а Дудку я не помню. И вот он потом отсидел десять лет и при здесь жил.

В.: А помните фашисты в форму какую одеты были?

О.: Ну как. В немецкую форму и еще вот эти... зеленая такая форма, тут погоны такие, один погон или два, петлицы какие-то были, потом эти ходили во тут железная такая белая бляха такая на груди, на цепи. У касках ходили, с автоматами.

В.: На этих бляхах какие-то украшения, что-то было?

О.: Ну, я не помню щас. Шо-то там какие-то было выдавлено. А що там такое, там герб этот ионий фашистский, потом этот орел, а що там еще больше нас же не пускали, да вот так с расстояния посмотришь.

В.: То есть это на расстоянии происходило?

О.: Да.

В.: А что-то перед расстрелом говорили, когда людей сгоняли, что-то говорили при этом?

О.: А то они по-немецки, то они там орали. Мы не понимали.

В.: А вам полицаи не переводили? Для чего сгоняют людей?

О.: Нет, нет. Ну как тут было все ясно – на расстрел... На колени вот этот еще Йося, на колени встал, плачет, слезы с него текут, а они, ну, плачет, дите оно, в сорок втором.

В.: Как его фамилия? (П.Л.С.)

О.: Фамилию не помню, вона была вот женщина, его мать. Вот здесь аптека была, де вот шас магазин этот – кодак и потом туда вот там и его, а она его мать была заведующая аптекой. Фамилии не помню, а звать Носик и мать не помню они жили там в центре де шас там развалины де вот это кинотеатр летний, там были в ряд эти дома были, там люди жили, а мы жили до тридцать восьмого года, де вот летний кинотеатр тут был деревянный дом, там три семьи было: Кисаренковы, Барановы и мы жили там, а уже в тридцать восьмом году дом построили там, где шас живем, там, туда перебрались, а в тридцать седьмом начали строить.

В.: А скажите, за что они так евреев расстреливали?

О.: Ну они ж евреев везде расстреливали, и в себя в Германии всех расстреливали. Где-то говорили, шо, очевидно, какая у них цель была? Раса какая-то или шо евреев, как это. Какой-то я не знаю, в общем шо они там, почему они их ненавидели там. Что эти их расстреливали, тут они и русских расстреливали и украинцев расстреливали, ну а этих вообще уничтожали всех подряд.

В.: А вот до того как война с СССР началась, вы что-нибудь слышали о том, что происходило на территории вот Польши, Франции?

О.: Ну как же слышали, то война идет. Польшу, Францию за.. это оккупировал. Польшу там всех там Чехословакию, Венгрию.

В.: По радио передавали?

О.: По радио, да наши, газета там, ну газета тогда мало читали, а радио, радио у нас же у там у каждого доме радио было сетевое.

В.: А что-нибудь говорили о расстрелах жителей сот там этих территорий?

О.: Ну, а как же говорили тоже, шо расстреливали людей, уничтожали там, бомбили вот это.

В.: А эвакуация была организована какая-то в Красногвардейске?

О.: Эвакуации такой организованной не было, но выводили вот трактора. Это выводили когда за щет куда-то их вывозили их. Туда в Керчь отправляли, а потом с Керчи там уже через Переправу, куда девали, я не знаю, выводили. Скот выводили тоже отсюда с колхозов, ну а лошадей забирали в армию, для армии поставляли лошадей, а скот тоже частично вывозили колхозы, прямо табунами гнали туда и там потом куда переправили их через Керчь. Через Перекоп, уже не могли, а туда на в Краснодарский край переправлять очевидно. А немцев в августе месяце выселяли здесь у нас была вот деревня Даниловка, Антоновка там в августе месяце немцев выселяли, переводили.

В.: Всех?

О.: Всех, всех немцев, ну которые жили здесь, гражданские, которые ще, когда они пришли еще при Екатерине или когда-там, вот они тут жили их всех вывезли, они были в Казахстане, потом в турне... еще где-то там, на Волге где-то их там, вывозили.

В.: А вот скажите, еще до того, как война началась, вы говорите, вот эти самые еврейские, это все были красногвардейские, что расстреливали?

О.: С красногвардейских сел тоже собирали (с участков 0 П.Л.С.) еврейские участки, ну они колхозы, вот как деревня, так и участок – это колхоз, там семьдесят девятый, восемьдесят второй, вот эти вот, вот шас они колхоз «Россия» был, потом «Знамена» эта, вот там были эти еврейские участки там евреи. Ну те многие уехали, конечно, большинство не уехало, осталось мало вот эти то вже или не могли уехать, или как и возможности не было, не знаю как, ни многие, конечно, уехали.

- В.:** Уехали?
- О.:** Да, но...
- В.:** А вы знаете, что им опасность угрожала?
- О.:** Ну, конечно, вот если передавали шо там в Польши расстреляют всех это везде всех. Во Франции, в Чехословакии, в Венгрии, де ну как он захватил всю ж эту Западную Европу, там же, конечно, по радио говорили, шо там расстреливают, издеваются там значит, и такое было дело.
- В.:** А тоесть вот эти восемнадцать семей это не только красногвардейские местные и с участков?
- О.:** Ну тут в основном местные, а тех там, наверное, по деревням расстреливали же будут они там с ними возится. Вот так бывает.
- В.:** Вот, а скажите еще до войны вы с семьями, Носик у вас был знакомый, друг, да? А вот на каком языке вы с ним разговаривали?
- О.:** На обыкновенном, на русском. На русском.
- В.:** А он родной язык знал?
- О.:** Ну а ка же... мы с ними не общались, а он с матерью очевидно разговорил, а мы, а мы все тут по русски разговаривали. Тут же украинского языка не было. Мы учились только на русском.
- В.:** А вы слышали его язык, как он звучит? Еврейский?
- О.:** Нет. Ну может быть слышал, да просто забыл, тогда пацанами были шо там было.
- В.:** А какие-ьл праздники, праздновали до войны, чтобы все вместе, какие-то интересные?
- О.:** Ну, праздники какие? Октябрьское, первой мая, Новый год.
- В.:** А какие-нибудь, Пасха, например, бывала?
- О.:** Нет, Пасхи не было.
- В.:** Не было?
- О.:** Нет.
- В.:** И дома мама никогда куличи не пекла?
- О.:** Нет, пекла, почему. Так оно было вот ну как не праздновали, не признавали, все эти церковные религиозные, а так мама пекла паски, так не только мать, все люди пекли, паски пекли, там яйца красили, все готовили.
- В.:** А у Носика в семье?
- О.:** Не знаю я у них дома не когда не был, так мы общались, а мы здесь жили, по двору, так по улице то бегаем, то в жмурки, то в казаки разбойники, ну как дети, дети разные, футбол там какой-то там это. Вот такие вот. Играли. Игры всякие там были.
- В.:** А чем-нибудь интересным он угощал вас?
- О.:** Нет-нет. Такого не было, а так просто общались, бегали, все игры там играли детские.
- В.:** Ну, а вот, потом Вы говорите, когда расстрелы прошли, да, немцы еще какие-то приказы вывешивали?
- О.:** Да, приказы были какие, вот, с шести это утра до шести вечера можно было на улице, летом до девяти вечера, а зимой в шесть часов вечера вышел на улицу – расстрел, увидели, патрули ходят по улице – расстреляют, вот Сергея этого Шведова застрелили вот нам через, там, где сейчас автостанция, он переходил через железную дорогу, это в ноябре, или пятого или шестого ноября, застрелили его тоже, вот он после этого комендантского часа пошел и его застрелили.

В.: Это ваш знакомый был?

О.: Ну, да, он жил вот здесь по Фрунзе, по Крупкой на углу там вот, я с ним работал. На МТСе ж работал слесарем, а он токарем работал, он двадцать четвертого года был хлопец этот.

В.: Так вам же мало лет было, Вы уже на МТС работали?

О.: Да, я в сорок третьем году вже считайте шестнадцать лет было, работал слесарем, медиком работал и по топливной аппаратуре, инструментальщиком работал, слесарем-инструментальщиком, слесарем-... работал, радиаторы паял, там это вкладыши заливал, подшипники всякие, топливную аппаратуру ремонтировал, форсунки вот эти всякие. А тогда было так: восемь-десять лет уже работали, в двенадцать лет... война ж была работать надо было.

В.: А вот какие-то общественные работы немцы заставляли делать?

О.: Какие, да ни каких общественных, никакого абсолютно. Кинофильмы, то кинофильмы немецкие показывали какие-то.

В.: Для всех? Сгоняли?

О.: Ну, конечно, билет только покупай и идти.

В.: Сгоняли специально?

О.: Нет, люди ходили в кино, чем-то надо ж было заниматься. Днем до комендантского часа ото люди ходили в кино, смотрели.

В.: А продукты где покупали?

О.: Продукты? А вот на рынок люди везут с деревень привезут что, хто и потом меняли вот у нас, например, элеватор когда подожгли там объявили, что зерно, мельницу спалили, подорвали, то родители там пшеницу привезли несколько мешков и потом значит, а с городов приезжали нам привозили эти, вещи и меняли, на это. А так все это самое вот на рынок люди с рынка, с колхозов, деревень возили и там люди покупали, меняли там у кого што было, вот так и жили... Я вот работал так получал два пуда ячменя, один пуд на себя как рабочий и по пол пуда на отца и на брата.

В.: А это в каком году?

О.: В сорок третьем, сорок четвертом. В сорок третьем в основном, в сорок четвертом. Вот на месяц давали два пуда ячменя. Вот это была вся зарплата. И эта нам самодельная крупорушка вот эта, да, отец там, мать, мать у мене там в сорок третьем году в апреле умерла, а отец больной был. Вот так вот и жили.

В.: Вы говорили, отец больной был, а лекарства где брали?

О.: А?

В.: Лекарства где-то брали?

О.: А де? Тоже ж на рынке там, хто спекулянты, где они брали или у немцев. Госпиталь же был где школа. Может быть там где-то хто-то брал покупал.

В.: А к немцам в больницу нельзя было прийти, если человек заболел?

О.: Нет, у нас больница своя была вот это где сейчас милиция, там три корпуса, там один врач был или два, сколько их там врачей было, вот ходили люди туда лечились. Несуть тому курицу, яйца, принесуть, масло кусок, кто что.

В.: А врачей как звали, помните?

О.: Нет. А я туда ходил что ли к врачам? Какие-то приезжие, своих-то не было.

В.: Приезжие?

О.: Ну, да. Какие врачи не знаю.

В.: А вот еще такой маленький момент. Вы говорите, когда немцы пришли, приказ был

евреям повязки белые нашивать на рукава.

О.: Да.

В.: И сколько времени они так ходили?

О.: Не помню. Месяца три, наверное, четыре.

В.: Только с повязками и все?

О.: Да. Ну и так они там их гоняли, там это их обижали, унижали, били, а потом вже когда собрали, видно приказ пришел (немцы их расстреляли).

В.: То есть, если видели человека с белой повязкой, они могли его обидеть?

О.: Ну, да. Вот они вже, чтобы отличить чтобы вот такое, шо еврей, значить вот его, значит...

В.: А все одели белые повязки?

О.: Да. От мала до велика.

В.: Сами одели?

О.: Ну там же полицаи местные. Местные знали, шо хто шо тут того

Красногвардейского (мало было) (?) Вот это в центре и все больше, де вот щас вот эти пятнадцатые, тут Фрунзе улица была, а то ж и двадцать лет Октября, тут те степь была. Туда вот где это сейчас, вот уже двух этажные дома, тоже была степь, там же, вообще голая степь была, только МТС была, его в тридцать пятом году туда, он был здесь вот в этом здании, а в тридцать пятом году его туда перевели.

В.: То есть таких кто повязки сами не одел не было?

О.: Нет-нет.

В.: Не надел? Не было таких?

О.: Нет. Не было таких. Так они ж там контролировали, там же полицаи, все это жандармерия, все это они проверяли.

В.: А что ходили по домам?

О.: Список они ж, наверно, вели, было все. Тут же сколько предателей было, сколько хочешь?

В.: Много было?

О.: Ну вот полицаи вже вот, пожалуйста.

Сторона В:

О.: Значит наши войска вже отошли, а потом и где-то и это в часов, наверное, в десять вечера наши там же по балкам, о там где канал щас проходить, там вот такая лошина, и вот мы возле этого дома стоим, а сами отошли, потом минут через десять, наверное, немцы начали с автоматов стрелять, стреляли и потом передовая пошла, а немцы эти вже вторая с бричками на подводах, вот, мы были в доме в этом, с дома нас выгнали, всех, людей, сами туда зашли, ящики начали разгружать, продукты, шо они там делали, а потом, а мы за домом были. А потом где-то вже часа в четыре мать меня забрала и брата и мы пришли домой. А отец оставался дома у нас корова была, щоб дом же присмотреть надо было, вот, и пришли сюда, а потом мы идем, а самолет наш, кукурузник, этот, ну, У-2, пролетел, а вже немцы, видно, слышим с автоматов застрочили и он развернулся вот тут где-то над парком над этим и улетел туда видать какой-то специально для разведки... (?). И все и немцы зашли и начали порядки, сразу полицию, жандармерию.

Комментарии П.Л.С. Какие-то танки?

О.: Не было ничего, вот пехота прошла, с танков, танки, может быть вот там по дороге

по той пошли по старой Московской, по Петровке, а здесь вот просто пехота прошла и все!

Комментарии П.Л.С. – А здесь московской дороги не было раньше.

О.: А?

Комментарии П.Л.С. – Раньше этой дороги не было.

О.: Нет, не было, это где-то в пятидесятом году эту дорогу построили, а то была старая московская по Петровке. Там танки, видно, прошли, потом вот туда где эта за Опытную, что значит на Красный Перекоп, по той дороге, а в нас тут прошли только пехота. Бронитранспортеры, видно были.

В.: А как-то людей собирали, в первой время?

О.: А?

В.: В первое время сразу собрали как-то людей, что-то?

О.: Да, объявляли, полицаи ходил по улицам и объявлял, приказы по на стенкам по навешали там все и ходили полицаи и объявляли.

В.: Так что получается сразу в первые дни полицаев набрали?

О.: Сразу в первые дни и полицаи появились, один вот милиционер был, фамилию забыл, милиционером работал и немцы зашли, он сразу помирать стал.

В.: А были такие, которые встречали, например, немцев?

О.: Ну это я не видел. Встречали, но встречали, я такого не видел. Ну и потому шо мы убежали, а потом присели, а потом дня два – три сюда не появлялися, а потом пришли универмаг вот этот там разбомбили еще, пошел там, там разбросанные всякие игрушки там, то насобирали, ну разбитое. А как там было, шо там было.

В.: А еще вот такой момент, когда евреев к расстрелу готовили, пока они с повязками ходили, они их где-то собирали?

О.: Ну как, дома жили. Как и обычно, жили в своих домах, квартирах, где они там.

В.: В одночасье всех согнали на расстрел?

О.: А?

В.: В одночасье?

О.: Да, вот в один день взяли, собрали, отвезли, отвели и там расстреляли.

В.: А вещи при них были, вы видели.

О.: Какие там вещи.

В.: Ну может быть, какой-то уз елочек с собой?

О.: Ну может и был там это. Нет-нет.

В.: А во что одеты они были?

О.: Обыкновенно, как одеты? Кто-кого...

В.: Платок? Можешь холодно было.

О.: Как холодно, тепло было.

В.: Тепло было? А вы не помните какой месяц был?

О.: Не помню. Если бы это надо было, знал, что-то записал. Знаете, тогда было не до записи мне. Сами стояли. Не этот, так другой. Не их расстреляют, так нас расстреляют.

В.: А вот, вы говорите, Носик заплакал, да, на колени упал, а в рубашке он был?

О.: Ну да, в рубашке, в брюках. Какие-то на ногах сандалиии там туфли, я знаю.

В.: Может быть хоть какой-то пиджак на плечи был наброшен?

О.: Не помню. Знаю, что одет. Ну, Одетые все были, раздетые ни кого не было. И маленькие там и грудные были и такие.

В.: А год какой был?

- О.:** А?
- В.:** Год какой был?
- О.:** Что? Сорок второй.
- В.:** Сорок второй. А скажите еще, когда стреляли выстраивали как-то в шеренгу?
- О.:** Ну как, вот, траншея вырыта, яма, они их поставили их возле ямы и стреляли с автоматов, стреляли.
- В.:** Из автоматов стреляли?
- О.:** Да.
- В.:** А люди когда в яму попадали, что осталось возле ямы, что-то немцы делали.
- О.:** Да, шо там. Потом засыпали и всех их...
- В.:** Немцы засыпали?
- О.:** Ну не сами немцы, полиция, людей там это которых насобирал, чтоб они зарыли.
- В.:** И мирное население было, да?
- О.:** Да.
- В.:** А скажите не слышали потом, вот после того как засыпали, застрелили, сразу людей отпустили? Или как-то?
- О.:** Ну, разогнали всех, все разбежались оттуда. Такое, кто там будет заглядывать, ясно, каждый начал кто куда разбежаться, по домам быстрей, такое страшное увидеть, это же...
- В.:** А что даже детей даже заставляли приводить, да, смотреть?
- О.:** Ну, вот, я, примерно, был. Разные были люди, взрослые и всякие были. Ну, ни всех там, ну, кто я не помню, сколько человек, что я считал? Вот такие дела.
- В.:** И после того, вы туда, на то место ни когда больше не попадали.
- О.:** Нет, нет. Ну так потом уже, там бегали, а так больше нет... не ходили.
- В.:** А вот скажите, вы про бабушку еврейку говорили, да, вот, которую не разрешали пускать в дом?
- О.:** Угу.
- В.:** А это как приказы развешивали или просто сказали вот ее не пускать в дом, как вы узнали?
- О.:** Ну, полицей ходил, видно, и приказ такой был, приказ был, и потом полицаи объявили. Ходили по дворам и объявляли.
- В.:** А что объявляли?
- О.:** Ну, чтоб не принимали в дом ее, не принимали вообще, если примите в дом, пустите в дом, расстреляют всю семью.
- В.:** Только бабушку нельзя было принимать?
- О.:** Ну, а больше некого было. Уже всех расстреляли. Эту бабушку одну оставили, одна, одна, ходила тут по Курману, та вже как умалишенная была, понимаете, вот такое пережить, вот такое.
- В.:** А из какой семьи бабушка? Не помните?
- О.:** Не знаю. Не помню. Нечего теперь не помню. Ни фамилии, не знаю, не имени не знаю, а что?
- В.:** А кроме евреев, может какие-то другие национальности вот так сгоняли, расстреливали?
- О.:** Нет, больше нет, так вот это, если вот попался там, убили, то один вот у нас, работал у нас шофером в Керчь поехал, там его расстреляли немцы.
- В.:** А кроме евреев, еще какие-то расстрелы были? Акции?

- О.:** Нет, такого не было.
- В.:** А?
- О.:** Ну, так случаем вот это там где-то убили.
- В.:** За нарушения какие-то?
- О.:** Да.
- В.:** А вот в сквере памятник стоит вот там, какая черная Сселла с именами.
- О.:** Ну это же вам этим погибшим, вот это уже Егудин потом сделал уже этот памятник.
- В.:** Это вот этим, как раз, расстрелянным?
- О.:** Да, вот этим. Расстрелянные там, вот там, там, там только несколько человек написаны, там же не все записаны.
- В.:** А почему не все?
- О.:** Не знаю. Понятия не имею. А сколько, кто там, так Егудин, покойный, сделал этот памятник, сделал.
- В.:** А он здесь в войну был?
- О.:** А?
- В.:** А он здесь в войну был?
- О.:** Нет, нет. Он пришел. Двенадцатого апреля нас освободили и он как с передовой линии пришел и вот де щас магазин и там сделали трибуну и люди сошлись там был митинг, он был сразу стал председателем Райисполкома – Егудин. Он эвакуировался всей семьей своей, а вже в сорок четвертом году он в апреле зашли где-то часов в восемь начал и идти, разведка пришла часов в четыре, а вже войска начала регулярные наши идти где-то в девять 0 десять часов и... вечером в часов в пять – шесть собрали митинг, собрание, всех жителей собирали и там сделали митинг.
- В.:** И что говорили на митинге?
- О.:** Ну, как что? Как обычно шо Советская Армия освободила от оккупантов, вот теперь будем восстанавливать хозяйства, а что я помню, что говорили?
- В.:** Ну, может что-то приблизительно помните?
- О.:** Ничего не помню... Вы спросите, что я сегодня завтракал, я не помню, а вы спрашиваете.
- В.:** Да, наверно, вспомните. Если чуть-чуть захотите вспомните.
- О.:** Так. Что еще хотите девочки спросить?
- В.:** Ну, а вот в школе учились еще до войны?
- О.:** До войны учились, а в войну здесь не учились, ни какой школы...
- В.:** А что учителей не было?
- О.:** Где?
- В.:** Ну, вт, в войну не учились?
- О.:** Так они не разрешали, там же школа была и госпиталь там немецкий, вообще, чтобы не было здесь у нас, в этой школе была, был госпиталь немецкий.
- В.:** А вот до войны в школе учились, учителей помните своих?
- О.:** Первая учительница у меня Анна Антоновна была, а фамилия я не помню, а имя знаю, а потом была Надежда Антоновна и Иосиф Моисеевич, это еврей, по-русски, русский язык преподавали.
- В.:** А с ними, что в войну случилось. Не помните?
- О.:** Они уехали.
- В.:** Уехали?

О.: Да. Они выехали. А потом куда они делись я не знаю.

В.: После войны вернулись?

О.: Не знаю я, после войны это у нас, мене ж забрали в сорок четвертом году в армию, а в пятьдесят третьем году, пятьдесят пятом только сюда вернулся. В сорок четвертом нас призвали в армию.

В.: То есть как сразу освободили так вас в армию призвали?

О.: Да. Ну, нас сразу, сразу вот, вот здесь вот была контора этого комунхоза, полевой военкомат, тут комиссия, нас забрали и сразу станция «Отрадная», там нас погоняли месяца, наверно, два, а потом отпустили домой, а вже седьмого ноября, седьмого декабря забрали вже в армию, вже я в действующую армию попал.

В.: А еще кого-то из учителей помните?

О.: Нет, Вот эта Лина Антоновна была первая, потом Надежда Антоновна и Иосип Моисеевич.

В.: А вот скажите, рассказывали татар еще отсюда выводили помните?

О.: Ну, татар, мы ж как раз, мы были там в этом в Отрадном, нас человек триста там было таких, а их восемнадцатого мая вывозили, а мы ж, мы даже вообще-то и не знали. Деревня пустая, мы там жили, ну как, по пластунски ползали, окапывались, маскировались и все-такое, ну.

В.: А как это деревня пустая, что дома пустые стояли?

О.: Ну там их домов всего пятнадцать было. Ну и население, может быть там две – три семьи было и все.

В.: А куда население делось?

О.: Не знаю. Где оно делось. Мы там были, это. Конюшни, коровник там был, солома рассыпана там и мы там в общем находились. И где-то до июня месяца мы там были, а потом нас по тревоге ночью подняли и мы цепью стали, потом сказали, что это эшелоны йдут, татар вывозят, уже потом нам сказали.

В.: А вы просто в цепи стояли, да?

О.: В цепи стояли, цепь прямо под над железной дорогой, стояли цепь. Ну, у нас не оружия ни чего не было. В своем гражданском были, все как положено.

В.: А скажите, нам вот рассказывали здесь интересная семья какая-то жила в Красногвардейске, сапожник он был. Еще его вместе с татарами хотели отсюда вывести.

О.: А это он караим. Да, это Мара, Мара, как? А, Леви, Леви, да. Ну, его щас один сын в Германии, а один здесь живет.

В.: Живет?

О.: Да, здесь.

В.: А как зовут его?

О.: Один Иосиф, а этот Леня, Леня кажись, здесь живет, а Иосиф этот, кажись в Германии.

В.: А Леонида фамилия какая?

О.: Ну Леви.

В.: Леви, да?

О.: Да. А де живет, вот я не знаю. Де-то--- А родители по нашей улице, по двадцать лет октября жили, там, в начале, а он, а он живет где-то на канале живет или точно я щас не знаю. Жена его работала поваром в этом в детсаде.

В.: Так вы еще с довоенных времен помните, семью эту?

- О.:** Да, ну и отца и мать.
- В.:** Большая у них семья была?
- О.:** У них два, два сына я знаю, а больше не знаю.
- В.:** А как звали отца?
- О.:** не знаю. Ну, это вот забыл в общем.
- В.:** А маму их как звали?
- О.:** Тоже не знаю. Так в лицо знал, а, да они караимы. Крымские караимы.
- В.:** А кто такие караимы?
- О.:** Ну, крымские, какой там, я, не знаю, как крымчаки или крымчаки, или караимы, крымчаки или караимы, что-то такое, ну какая-то народность, наверное.
- В.:** Они сами себя так называли?
- О.:** А?
- В.:** Они себя сами так.
- О.:** Ну, они так и есть и называют и от щас они здесь вот, а больше.
- В.:** А как в войну они здесь пережили?
- О.:** Ну, как так как и все.
- В.:** Их фашисты не пытались арестовывать?
- О.:** Не знаю даже. Ну, вот жили они после войны так потом здесь и работал.
- В.:** Они с полосой белой на рукаве не ходили?
- О.:** Нет-нет-нет. Только вот евреи так, а так нет. Что еще девочки?
- В.:** Ну, а потом как Вас на фронт забрали? Куда попали?
- О.:** Я в артиллерию, наводчиком был.
- В.:** А демобилизовались в каком году?
- О.:** В пятьдесят третьем.
- В.:** А че так поздно?
- О.:** А мы, наша часть, наши две батареи. На боевой готовности стояли, а я был на должности огневого взвода, и вот сержантский состав, командиров орудий задержали, и вот получилось у меня еще два года, прослужил. В пятьдесят первом году, в апреле, месяце демобилизация была, двадцать седьмого года. А я получилось, вообще, на это еще от того, почти шо два года, прослужил.
- В.:** А после того как демобилизовались куда вернулись?
- О.:** В Ростове жил.
- В.:** В Ростове?
- О.:** Да, а потом в пятьдесят пятом году в марте месяце я опять приехал же сюда. Ну отец больной, он у меня согнутый такой был, понимаете, и у него позвоночник там, согнутый был; и брат маленький, тридцать восьмого года рождения, у нас матери нету, вот, и думаю, женщина должна быть там, кто обстирает, то варить, мало шо там.
- В.:** А вы уже женаты были?
- О.:** Да. Я сюда приехал все это в марте месяце пятьдесят пятого года и так до сих пор и живу.
- В.:** А супругу как вашу зовут?
- О.:** Люба.
- В.:** А по отчеству?
- О.:** Любовь Андреевна.
- В.:** А девичья фамилия?
- О.:** Селиванова.

В.: Это вы в Ростове себе жену взяли?

О.: Да. Ну, она сама не Ростовская, она Липецкой области, щас Воро... Липецкая область, была Орловская, а оттуда уехала и там работала на музыкальной фабрике и вот я там познакомилась. Так до сих пор и живем. Трое детей у меня. Две дочери, один сын.

В.: А скажите, отца в армию не забирали, не пытались?

О.: А?

В.: Отца в армию не пытались забирать?

О.: Моего?

В.: Да.

О.: Да куда же. Он же он другой согнутый девяносто градусов, вот так вот ходил согнутый, понимаете?

В.: Это ему сколько лет было? Как война началась.

О.: Вот девятьсот первого года рождения.

В.: Девятьсот первого города рождения?

О.: Вот считайте сорок лет, мать девятьсот третьего была, в сорок третьем году умерла.

В.: А что случилось?

О.: А?

В.: Что случилось с мамой?

О.: Ну это болезнь, рак матки у нее был.

В.: А откуда родители приехали в Крым?

О.: Из Макарихи, село Макариха, Кировоградская область, Знаменский район, село Макариха, вот от туда они, отец раньше, отец уехал в тридцать первом или в тридцать втором в начале, а мы где-то у в апреле сюда приехали.

В.: А что так почему решили в Крым поехать?

О.: А родители приехали, а че они приехали? Я знаю? Да потому шо была жизнь лучше.

В.: Лучше?

О.: Да, лучше, потом отец работал на элеваторе и давали продукты, крупы давали, рис, там пшено, перловую там, муку давали, им на каждого члена семьи.

В.: А вот еще совсем детство до Крыма помните: что тяжело жилось как-то?

О.: Да ну как, мне четыре года было, помню. Дом был, корова была, вот, куры были. Помню, еще на лестницу лазил там это яйца доставать, чуть не сорвался, это детство помню, а потом, помню, стоял на улице, корова меня на рог зацепила, мать перепугалась, корова перепугалась, а я о рубашке в этой полотняной, знаете? И вот меня, значит, я ору, а корова больше перепугалась, чем я. Во двор забежала, стала, ничего не понимает, сняли. Ну ничего, абсолютно не пострадал, только испуг, испуг был, вот это помню.

<http://collections.ushmm.org>
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection